

Глухарева Людмила Ивановна

Glukhareva Lyudmila Ivanovna

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения Российского государственного гуманитарного университета

LL.D, Associate Professor, Head of Department of Theory of Law and Comparative Law, Russian State University for the Humanities

СХОЛАСТИЧЕСКАЯ ДИАЛЕКТИКА: ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ДОГМАТИЧЕСКОГО МЕТОДА

SCHOLASTIC DIALECTIC: HISTORICAL ROOTS OF DOGMATIC METHOD

Аннотация:

В работе раскрываются особенности современного догматического метода как способа познания и понимания права. Продуктивность догмы видится в привлечении ее в качестве образца для формирования новых правовых норм и их толкования на практике. Современный догматический метод несет на себе печать схоластических рассуждений, которые ориентируют юристов на вычитывание ответов на все вопросы из действующего законодательства, цитирование авторитетов, казуистику, отыскание герменевтических смыслов и др. Эксплуатируя филологические средства, догматика оперирует категориями семантики о многозначности слов, семиотики о символических и ситуативно-контекстуальных значениях текста, приспосабливает дискурс к своей языковой терминологии, что позволяет этот метод отнести к типу рассуждающего, словесно-дискурсивного познания. Причинами, требующими обращения к догматике, выступают системные сбои в организации позитивного права – пробелы, противоречия, ошибки и прочие недостатки в связях и формах выражения правовых норм, институтов, отраслей, комплексов. Догматический метод в современном правоприменении и интерпретации используется не изолированно, а в качестве компонента сложносоставной методологии – диалектически связанных социологических, естественно-правовых, исторических, психологических и иных способов и средств обработки правового материала. Рождение догматики обязано средневековой схоластической диалектике: логическому методу силлогизма (дедуктивному выведению следствия из основного положения), а также другим методам, заимствованным главным образом у римских правоведов, – топике, классификации, казуистике, формально-логическому подходу. Значение схоластической диалектики для сегодняшнего догматического метода видится в сохранении схоластических терминов, развитии формально-юридической логики как интеллектуальной традиции, поддержании преемственности юридической науки с античным и средневековым наследием.

Ключевые слова:

догма, догматический метод, схоластика, схоластическая диалектика, силлогизм, формально-логический подход, казуистика, словесно-дискурсивное познание.

Summary:

This study presents the special aspects of modern dogmatic method as a means of cognizing and understanding legal science. It is considered that productiveness of dogma consists in attraction of dogma as an example for forming and practical interpretation of new legal rules. The modern dogmatic method is driven by scholastic reasoning which aims the lawyers to read the answers to all questions in current legislation, cite distinguished scientists, casuistry, search for hermeneutical senses and others. By using philological means, dogmatics operates with semantic categories regarding words ambiguity, semiotic concepts regarding symbolic and situational and contextual sense of text, adapt a discourse to its language terminology; hence, this method may be characterized as a contemplating, verbal and discourse type of perception. The introduction to dogmatics was caused by systemic failures of positive right, which are namely gaps in the law, challenges, errors and other defects of relations and forms of expressions of legal rules, institutions, branches and complexes. The dogmatic method, in common lawmaking, legal enforcement and interpretation, is used not in isolation but as a part of converged methodology of dialectically connected sociological, natural-legal, historical, psychological and other methods and means of processing legal materials. The dogmatics appeared due to medieval scholastic dialectic: logical syllogism method (deducting derivation of the investigation from the key points) as well as other methods, adopted mainly from roman legists – topics, classification, casuistic formal and logical approach. It seems that scholastic dialectics is crucial for common dogmatic method in the light of preservation of scholastic terms, development formal and legal logic as an intellectual tradition, maintaining the continuity of legal science with antic and medieval heritage.

Keywords:

dogma, dogmatic method, scholasticism, scholastic dialectics, syllogism, formal and logical concept, casuistry, verbal and discourse perception.

Догматический метод (догматика), более известный сегодня как формально-юридический, является собственно правовым и традиционным способом познания и понимания права юристами. Университетские профессора изобрели этот метод во второй четверти XII столетия [1, с. 127], и он остается важнейшим способом правового мышления до настоящего времени.

Несмотря на то что догматика имеет большие «заслуги» перед юриспруденцией, поскольку исторически причастна к созданию терминологии и формированию понятий, дефиниций, конструкций, принципов, а также правил схоластико-метафизической работы с правовым материалом, в современной науке ей отводится не столько роль научно-теоретического инструментария, сколько функция частного средства, технологии практической деятельности. Широкая критика низких результатов догматики в научной сфере вместе с тем не отменяет факта высокой значимости ее творческого потенциала для практики – способности «обратного дедуктивного вывода новых правовых положений из уже сформированных понятий» [2, с. 81–82]. Поскольку задача догматического метода состоит в поиске рациональных оснований для построения позитивного права в его непротиворечивой системности, нельзя не видеть продуктивности догмы в деле привлечения ее в качестве образца для формирования новых правовых норм и их толкования на практике: догма в рамках этой интеллектуальной работы «надстраивается» над законодательством, выступает «парадигмой работы с ним» [3, с. 47].

Догматический метод несет на себе печать схоластических рассуждений, поскольку используемая им логика не в состоянии всегда заполнять своими средствами образующиеся между общими установками и отдельными высказываниями «пустоты», касающиеся единичных моментов или сторон предметов. Этот логический «проскок» придает догматическому мышлению своеобразие и содержательное богатство, а «игра мысли нередко становится самоцелью» [4, с. 58] (казуистикой). Схоластика ориентирует юристов на вычитывание ответов на все вопросы из авторитетных текстов (действующего законодательства), при этом рассуждения требуют сопровождения цитатами из работ профессионалов, досконального изучения анализируемой ситуации, скрупулезного рассмотрения всех возможных вариантов решения и неприятия недогматических связей. Схоластическое мышление исходит из презумпции, что истина уже содержится в официальных текстах, поэтому чтобы актуализировать ее, следует истолковать лишь сам текст. Эксплуатируя филологические средства, догматика оперирует категориями семантики о многозначности слов, семиотики о символических и ситуативно-контекстуальных значениях текста, приспособляет дискурс к своей языковой терминологии.

Разумеется, нельзя не замечать ценностной ограниченности догмы и, соответственно, создаваемых по ее лекалам и формулам позитивных норм в том плане, что последние отвечают лишь идеалам и предпочтениям легального правотворца – государства – и его представлениям об официально-должном в обществе. Метод логической формальности, присущий догматическому подходу, максимально адекватен таковым ценностям.

Специфика догматического метода заключается также в том, что он позволяет понятийно моделировать юридическую реальность, создавать типичные абстракции и на их основе определять направленность поиска ответов на поставленные практикой вопросы. Догма как модель организует юридическое сознание, дает возможность последнему переструктурировать исходные данные, логически их синтезировать, дополнять и комбинировать. По этому показателю догматический метод следует отнести к типу рассуждающего, словесно-дискурсивного познания.

Причинами, требующими обращения к догматике, выступают прежде всего системные сбои в организации позитивного права – пробелы, противоречия, ошибки и прочие недостатки в связях и формах выражения правовых норм, институтов, отраслей, комплексов. Процесс догматической обработки некачественного материала начинается со сбора и анализа действующих норм и их оценки с точки зрения отражения в них правил определенности формы (формальной определенности). Содержательная верность правовых норм при этом проверяется не практикой как таковой, а опосредованно: во-первых, фактом наличия (присутствия) этих норм в перечне неотмененных законодателем; во-вторых, логикой – непротиворечивым и согласным взаимодействием групп таких норм между собой и их системой в целом.

Процесс мысленного «изготовления» новых или «подгонки» существующих норм права под позитивную правовую систему в целом на основе использования лекал догмы разрабатывался юристами более шести веков (XII–XVII вв.), и сегодня он хорошо известен. При этом создание самой догмы начинается с описания собранных действующих норм, имеющих отношение к той или иной теме. После сбора и уточнения совокупности приступают к анализу, который включает грамматическое и логическое разъяснение (комментарий) смысла тех велений, что составляют содержание норм. При этом догматическое мышление не требует доказывания обоснованности заключенных в норме положений, поскольку их верность предопределена юридической силой тех официальных актов, которые содержат данные нормы. Нормы действующего права для догматики, нельзя не заметить, «играют роль аксиом, не подлежащих доказыванию, но вполне достаточных для правильности выводов, на них основываемых» [5; 6, с. 166–171].

На следующей стадии содержащиеся в норме предписания разлагаются на составные элементы, что позволяет выявить и уточнить условия и последствия их приложения к тем или иным

юридическим ситуациям. Затем определяется признак, объединяющий данную совокупность норм в группу, и на этой основе выявляется принцип, их объединяющий. Установлением принципа создается источник, когда из сырого законодательного материала складывается новая юридическая форма (определение, понятие, институт и др.), позволяющая затем дедуктивным путем формировать последующие правила и систематизировать их массу в непротиворечивое единство. Обобщение ведет к конструированию определений. Дефиниции рождаются редукцией и синтезом содержательных свойств (качеств) норм. В литературе вполне обоснованно полагается, что, «соединяя определения в различные комбинации, можно прийти до математических приемов», однако серьезным препятствием этому выступает тот факт, что «ни одно законодательство не построено исключительно на логических основаниях» [7]. Объяснения, обобщения и определения правовых норм дают возможность перейти к следующей стадии – классификации, а затем вывести некоторую общую абстрактную схему, пригодную для использования в качестве модели, образца (т. е. догмы) для формирования нормы или института определенного регулятивного типа. Отраженные в модели (догме) закономерности, т. е. выражающие надлежащее содержание и форму правила, «передаются» в процессе правотворчества создаваемым новым или толкуемым нормам. В результате каждая из норм несет образ и подобие общей модели (догмы) и тем самым обеспечивает системное единство права в целом. Реализованные на практике нормы права, построенные по образцу догмы и доказавшие способность поддерживать правопорядок, тем самым подтверждают наличие верности и правильности выявленных и закрепленных в догме закономерностей.

Однако здесь, очевидно, нарушается «чистота» догматического подхода: в деле оценки содержания и эффективности действия правовых норм современная юриспруденция в отличие от средневековой схоластики обращается к методологическому плюрализму. В правотворчестве и правоприменении сегодня широко используются иные, помимо догматических, способы и средства познания и оценки – социологические, естественно-правовые, исторические, психологические и т. д., диалектически связанные между собой. Иными словами, догматический метод применяется не изолированно, а в качестве одной из составляющих сложной (сложносоставной) методологии современного правотворчества, правоприменения и интерпретации.

Несмотря на ряд ограничений, присущих догматическому методу, он остается в ряду основных способов мышления современных юристов, особенно юристов-практиков. Во-первых, его значимость для сегодняшней юриспруденции заключается в незаменимости при обеспечении смыслового и словесного содержания юридических текстов, адекватного идеалам официального правопорядка. Во-вторых, он важен как способ разработки и применения общих и единых моделей при создании и толковании правовых норм. В-третьих, он обеспечивает непротиворечивость систематики позитивного права.

Рождение догматики обязано средневековой схоластической диалектике и логическому методу силлогизма – дедуктивному выведению следствия из основного положения (большей посылки). Создателями схоластической диалектики, предваившей появление догматического мышления, выступили университетские профессора права (глоссаторы и постглоссаторы) – Ирнерий, Якоб, Гуго, Гозна, Булгар, Абельяр, Грациан, Аккурсий, Ацо, Бартоло, Бальд и многие другие, которые сформировали «правила рамификации правовых норм с учетом их взаимосвязи и применения в особых ситуациях» [8, с. 155].

Догматический метод (названный так значительно позже) вырабатывался средневековыми учеными путем герменевтического анализа римско-византийских текстов, главным образом Свода гражданского права Юстиниана (*Corpus Iuris Civilis*), а также разработок современников и предшественников – богословских и светских авторитетов, в частности Грациана «Согласование разноречивых канонов» (ок. 1140 г.), Ацо «Сумма» (нач. XIII в.), Аккурсия «Глосса ordinaria» (ок. 1250 г.) и др. Эти книги обладали абсолютным авторитетом как в юриспруденции, так и в богословии, а их текст, несмотря на многочисленные противоречия, воспринимался как святая правда и воплощение разума. Убеждение в священности и логической непогрешимости данных текстов требовало «установить соотношение различных частей правового материала между собой так, чтобы одно положение подтверждало другое или из него выводилось» [9, с. 81]. В результате благоговейное отношение к юридическим установлениям великой римской цивилизации, все же грешившим отсутствием единого видения проблем, потребовало обратиться к древнегреческой диалектике, «чтобы закрыть лакуны и разрешить разногласия внутри них» [10, с. 135]. В строгом соответствии с законами аристотелевской логики это знание стали выводить из авторитетных текстов путем формулирования сначала универсальных принципов, а затем и отдельных правовых положений. Главная задача здесь состояла в том, чтобы «безошибочно применить абстрактное знание к конкретному случаю, не допустив при этом отступления от юридических канонов или какой-либо юридической ереси» [11, с. 30]. Такой метод получил название, согласно Г.Дж. Берману, «схоластической диалектики» [12, с. 146].

Применения метода схоластической диалектики требовало и разнообразие действовавших в то время регулятивных систем. Право большинства средневековых европейских стран той эпохи (церковное, светское, королевское, феодальное, городское, цеховое и т. д.) находилось в «хаотическом и неопределенном состоянии, было чрезвычайно раздробленным, иногда варварским» [13, с. 34–36]. Все это не позволяло поддерживать общий правопорядок, а главное – осознать универсальное единство европейских народов. Такой исторический контекст также направлял к диалектике как способу нахождения примирения разных регулятивных положений. Поэтому европейские ученые-юристы «прилагали все усилия, чтобы превратить римское право в закон», они «не только преобразовывали его нормы к условиям своего времени, но и увязывали последние с нормами канонического и обычного права, а также нормами местного законодательства» [14, с. 549].

Согласно Г.Дж. Берману, суть диалектического метода упрощенно можно выразить следующим образом: сначала «ставился *quaestio* по противоречивым местам авторитетного текста, затем следовал *propositio*, т. е. приводились авторитеты и основания в пользу одного из мнений, затем – *oppositio*, т. е. ссылались на авторитеты и основания в пользу противоположного мнения. Завершалось рассуждение *solutio* (или *conclusio*), в котором показывалось, что приведенные в *oppositio* основания неверны либо следует изменить или отбросить *propositio* в свете *oppositio*» [15, с. 150].

Помимо схоластической диалектики, в ходу, разумеется, были и другие методы познания права, заимствованные главным образом у римских правоведов, – топики, классификация, казуистика и формально-юридический подход. Казуистика представляла собой решение конкретного случая, которое оказывалось адекватным при разрешении похожих казусов (на чем сегодня строится, например, прецедентное право). Формально-юридический метод выражался в формулировании дефиниций и максим, а также в глоссировании. Благодаря дефинициям были созданы многочисленные максимы, большинство из которых известны в настоящее время в качестве принципов («Не дважды за одно», «Обман уничтожает юридические последствия», «Кто пользуется своим правом, тот не нарушает ничьих интересов» и др.). Метод глоссирования (комментирования) базировался на богословском подходе к толкованию неясностей или пробелов в священных текстах – экзегетике [16, с. 32].

Значимым для становления догматического метода явился тот момент, что если практически ориентированная римская юриспруденция никогда не отрывала норму права от того фактического состава, в связи с которым она была сформулирована судьей, то средневековые доктора права не только извлекли норму из породивших ее фактов, но и ограничили предмет ученой юриспруденции лишь общими нормами в отличие от казуистических правил, не составляющих, по их мнению, существо закона [17, с. 282].

В результате таких разработок юридический метод познания права оказался на удивление универсальным. Благодаря догматике, вобравшей в себя филигранный герменевтический анализ схоластов и диалектики, не прерываются связь и преемственность современной юридической науки с античным и средневековым наследием. Усилиями схоластов была создана европейская интеллектуальная традиция в области формально-юридической логики. Схоластические термины вошли в обиход юриспруденции. Правовая догма стала вектором здорового консерватизма и противовесом новоевропейского постмодернизма, безудержно ниспровергающего всяческие основы научного знания и истины. Схоластическая диалектика в современном догматическом исполнении продолжается как живая методология права.

Ссылки:

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. М., 1994. 591 с.
2. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики : монография. М., 2012. 491 с.
3. Павлов В.И. Генеалогия нормативности права: к проблематизации становления континентальной юридической догматики // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 45–57.
4. Розин В.М. Генезис и современные проблемы права. Методологический и культурологический анализ. М., 2001. 217 с.
5. Шершеневич Г.Ф. Гражданское право. Задачи и методы гражданского правоведения [Электронный ресурс]. Казань, 1898 // Все о праве : информационно-образовательный юридический портал. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc99p0/instrum1916/item1920.html> (дата обращения: 03.02.2020).
6. Муромцев С.А. Что такое догма права? // Юриспруденция в поисках идентичности : сборник статей, переводов, рефератов / под общ. ред. С.Н. Касаткина. Самара, 2010. С. 160–185.
7. Шершеневич Г.Ф. Указ. соч.
8. Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 155.
9. Муромцев С.А. Рецепция римского права на Западе. М., 1886. 159 с.
10. Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 135.
11. Малиновский А.А. Римская юриспруденция: методология и дидактика // Российское право. Образование. Практика. Наука. 2017. № 4 (100). С. 29–35.
12. Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 146.
13. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М., 1996. 399 с.

14. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. 777 с.
15. Берман Г.Дж. Указ. соч. С. 150.
16. Малиновский А.А. Указ. соч. С. 32.
17. Муромцев С.А. Указ. соч. С. 282.

Редактор: Тюлюкова Мария Олеговна
Переводчик: Кочетова Дарья Андреевна